

Когда договор о продаже в рабство сгорел наполовину, один из молодых слуг, стоявших рядом с Цю Ибо, внезапно опустился на пол. Его губы дрожали, пока он смотрел, как в медном тазу превращается в пепел документ с его именем и отпечатком пальца. Цю Ибо небрежно махнул рукой, разгоняя дым, а Вэнь Жун тут же, с выражением подобострастия на лице, рявкнул:

- Вы что, все мертвые?! Быстро развейте дым, чтобы не беспокоил молодого господина!

Другой слуга, у которого не было веера, дрожащими руками схватился за свой длинный рукав и встал у жаровни, отгоняя пепельный дым в сторону.

В ящике было так много договоров, что даже при таком темпе сжигания за одну палочку благовоний успели уничтожить лишь небольшую стопку.

Вэнь Жун услужливо подхватил охапку документов, чтобы Цю Ибо и По Ицю могли просто протянуть руку и взять следующий.

Цю Ибо, наблюдая за тлеющими углями, улыбнулся:

- Похоже, ваш господин У не так уж и могущественен.

Прошло уже полчаса, а Яньцзин - город не такой уж большой. Цю Ибо понимал, что важная персона вряд ли примчится сломя голову ради одного публичного дома, но хотя бы какие-нибудь головорезы или охранники должны были уже появиться?

А снаружи было тихо - ни души. Даже старушка, разносящая румяна и пудру, обходила «Павильон Весеннего Ветра» стороной, зная, что там сегодня неприятности.

Сводник, получивший от Вэнь Жуна пощечину такую, что у него из носа хлынула кровь, теперь с засохшими подтеками на лице выглядел как настоящий демон. Он злобно уставился на Цю Ибо и По Ицю:

- Не думайте, что вы победили! А-а-а!

Вэнь Жун хотел было объяснить, что утренний прием у императора только закончился, и министр обороны, вероятно, еще даже не покинул дворец. За это время те, у кого есть связи, уже наверняка выяснили, кто такие эти двое молодых господ. Возможно, в семье У просто не нашлось смельчаков, чтобы разобраться с ситуацией. Но не успел он открыть рот, как сводник снова начал хамить. Инстинктивно Вэнь Жун ударил его так, что тот рухнул на пол, но при этом изящно произнес:

- Если не умеешь говорить по-человечески, значит, твой язык тебе не нужен.

Сводник затрясся от страха и больше не посмел пикнуть.

Остальные слуги публичного дома стояли у дверей, опустив головы, наблюдая, как горят договоры - может, их собственные, а может, чужие. Некоторые рыдали, другие выглядели оцепеневшими, третьи - отчаянными, а кое-кто даже улыбался, словно видел в этом что-то забавное.

- Господин Цю, позвольте мне, старику, сказать: вопрос о расширении скрытых земель слишком сложен. Лучше уговорить императора действовать постепенно.

Пожилой чиновник в фиолетовых одеждах вышел из Тайцинского зала вместе с Цю Ланьхэ. Он

посмотрел на него с легкой жалостью, но и с одобрением.

- Ваше превосходительство Ван. - Цю Ланьхэ шел по запретному дворцу с невозмутимым спокойствием. Он улыбался мягко и сдержанно, но когда его темные глаза встретились с взглядом Вана, тот почувствовал холодок. - Вы говорите мне это, хотя мы не так близки. Разве это не слишком откровенно?

- В нашем совете всего четверо. - Ван, прошедший огонь и воду чиновничьих интриг, не дрогнул. - Молодым свойственен пыл, но слишком быстрый бег может привести к падению.

Только семидесятилетний Ван мог позволить себе так говорить с Цю Ланьхэ, которому уже перевалило за пятьдесят.

- Я понимаю, - улыбнулся Цю Ланьхэ. - Но вы тоже должны понимать, что медлить больше нельзя.

- Ты... Эх! - Ван тяжело вздохнул и ускорил шаг, обойдя его.

Цю Ланьхэ усмехнулся. Ван хотел спокойно уйти на покой, потому и не желал потрясений. Но некоторые вещи нельзя откладывать, и кто-то должен их делать. Просто на этот раз очередь выпала ему.

К тому же, быть чиновником - не так сложно. А вот стать чиновником, чье имя останется в истории - уже задача посерьезнее.

Дома у него уже была охранная грамота, но он хотел бы заполучить еще и железный патент, а в идеале - удостоиться места в императорском храме предков... Хотя семье все это было не особо нужно, но ему самому хотелось найти себе занятие поинтереснее.

Впереди его ждал евнух в синих одеждах:

- Ваш слуга приветствует канцлера Цю. Пожалуйста, задержитесь - император желает с вами поговорить.

- Хорошо. - Цю Ланьхэ кивнул и направился обратно вглубь дворца. Когда он вышел оттуда, было уже ближе к двум часам дня. Рядом с ним шел молодой человек, и они оживленно беседовали, покидая дворцовые ворота. Но как только они сели в карету, Цю Ланьхэ спросил:

- Что случилось? Говори.

Мянь Хэ, ожидавший у дверцы, изначально решил не говорить ничего, если канцлер сам не спросит. Но его выдержка подвела, и Цю Ланьхэ сразу заметил его беспокойство. Он сглотнул и нерешительно произнес:

- Докладываю, господин... это касается двух молодых господ...

Не успел он договорить, как Цю Ланьхэ уже откинул занавеску и уставился на него темным взглядом, явно встревоженный:

- Что с молодыми господами?

- Они... их обманули в одном южном павильоне, и теперь они собрали людей и, говорят, уже разгромили заведение.

Цю Ланьхэ замер, а затем рассмеялся:

- И это все? Расскажи все как было.

Хотя... он не ожидал, что Цю Ибо вернется и на второй же день разнесет публичный дом.

Молодой человек в карете нахмурился. «И это все»?!

Мянь Хэ, стиснув зубы, продолжил:

- Сегодня молодые господа хотели отправиться в игорный дом, но по пути через переулок Цуймэй на них напали из заведения под названием «Павильон Весеннего Ветра» и потребовали компенсацию в сто золотых. Сначала молодые господа просто задержали нападавших и вызвали стражу, но у этого павильона оказались влиятельные покровители, и они прислали с десятков головорезов окружить молодых господ. Те разозлились, вызвали людей из усадьбы и разгромили павильон.

Улыбка Цю Ланьхэ стала еще шире:

- Неплохо. Хотя бы не дали себя в обиду и догадались позвать подмогу... Где они сейчас?

- Все еще в «Павильоне Весеннего Ветра».

- О?

- Молодые господа сказали, что хотят посмотреть, кто же стоит за этим павильоном... «Среди бела дня, под ясным небом, у самых стен императорского дворца осмелились обманывать, похищать и творить беззаконие, словно попирая волю императора...»

Цю Ланьхэ не успел рассмеяться, как молодой человек в карете фыркнул:

- Поедем в «Павильон Весеннего Ветра».

Цю Ланьхэ повернулся к нему:

- Мои племянники всегда были сорванцами. Но это грязное место, подумайте еще раз.

- Все равно надо их забрать, - молодой человек откинулся на спинку сиденья с непринужденной грацией. - Разве вы можете просто приказать им вернуться?

Если бы приказ Цю Ланьхэ сработал, разве молодые господа все еще сидели бы в «Павильоне Весеннего Ветра»?

Цю Ланьхэ улыбнулся, явно соглашаясь:

- Верно.

Когда Цю Ибо и компания уже почти закончили сжигать ящик договоров и начали терять терпение, наконец-то появились люди. Это были не головорезы, а стражники из Интяньской управы, сопровождаемые управляющим, который тут же указал на них:

- Господа стражи, вот они! Эти двое натравили своих слуг, учинили расправу и поджог! Даже если небо обрушится, нет им оправдания!

Старший стражник, явно заранее договорившись с управляющим, увидев богатые одежды Цю Ибо и По Ицю и их свиту, даже не удивился. Он выхватил меч, и сталь блеснула в свете:

- Эй, вы! Как смеете творить беззаконие у стен императорского дворца?! Жить надоело?! Быстро сдавайтесь!

Цю Ибо, уже раздраженный, лениво взял со стола свечу и, играя с ней, вытащил заколку из волос одного из слуг, чтобы поправить фитиль. Затем, на глазах у всех, он спокойно швырнул свечу в ящик с договорами.

В мгновение ока ящик превратился в пылающий костер, что выглядело весьма символично.

Пламя взметнулось вверх, заставляя окружающих содрогаться от страха.

Вэнь Жун, полностью вжившийся в роль подхалима, надменно заявил:

- Вы посмели прийти арестовывать наших молодых господ?! Да вы знаете, кто они такие?!

Стражник рявкнул:

- Мне плевать, кто вы! Если не хотите проблем, уладьте дело миром! Извинитесь и заплатите компенсацию! Иначе вас ждут кандалы и колодки - запомните это на всю жизнь!

- Но мы же пострадавшие, - Цю Ибо невинно моргнул. С его лицом даже безосновательные утверждения звучали убедительно. Стражники на мгновение замешкались, а он продолжил: - Мы с братом просто проходили мимо, как вдруг выскочила какая-то куртизанка и заявила, что мы его похитили. «Павильон Весеннего Ветра» потребовал с нас сто золотых, мы задержали его и вызвали стражу, но павильон не унимается. Господа стражи, разве можно верить лишь словам этих негодяев?

- Врешь! - кашлянул управляющий. - Господа стражи, не слушайте их! Заберите их в тюрьму, там они быстро запоют иначе!

Стражник, будто вспомнив что-то, крикнул:

- Верно! Взять их! Все объясните перед чистым зеркалом и высоким балдахином суда!

- Подумаешь, поколотили пару шлюх, и наши молодые господа должны идти в суд?! - возмутился Вэнь Жун.

По Ицю усмехнулся и спросил:

- Можно их побить?

Вэнь Жун задумался:

- Можно, но если переборщить, будет сложно уладить.

- Так чего ждем? - сказал Цю Ибо.

Вэнь Жун мысленно вздохнул: молодые господа явно хотели раздуть скандал. Но он не колебался - незаметно подав знак, он дал сигнал спрятавшимся людям выйти. Стражники сглотнули, и их руки, сжимавшие мечи, задрожали:

- Вы... как смеете! Мы - стража Интяньской управы! Даже если вы из знатных семей или сами принцы, перед законом все равны!

Цю Ибо, подперев щеку, лениво произнес:

- Давайте быстрее. Похоже, никто не придет. Побьем их и пойдем домой. Уже достаточно ждали, терпение лопнуло.

По Ицю был согласен.

Они думали, что, сидя здесь, дождутся хотя бы управляющего, но в итоге явился лишь мелкий чиновник. Разочарование - они переоценили этих людей. В конце концов, южный павильон, сколько бы денег он ни приносил, в их глазах был всего лишь притоном мерзавцев. Разве они удостоятся личного визита?

Прислать управляющего - уже честь.

И тут снаружи вошел человек в черном, выглядевший холодным и строгим. За ним последовали еще несколько, а затем появились Цю Ланьхэ и молодой человек с царственной осанкой. Увидев происходящее, Цю Ланьхэ сказал:

- Как раз собираетесь драться? Я вовремя.

Он проигнорировал стражников и подошел к Цю Ибо и По Ицю. Те уже встали и почтительно поклонились:

- Приветствуем дядю.

При чужих следовало соблюдать церемонии, особенно в такой обстановке.

Цю Ланьхэ указал на спутника:

- Это мой друг, господин Мин. Можете называть его дядюшкой... Вы двое совсем распоясались - только вернулись и уже разгромили публичный дом. Не стыдно?

Стражники, сначала ошеломленные видом Цю Ланьхэ, наконец опомнились:

- Кто вы такие?! Стража ведет дело, посторонним просьба удалиться!

- Молчать! - холодно произнес черный охранник. - Это канцлер Цю! Немедленно поклонитесь!

Лица присутствующих побелели. А когда молодой человек снял легкий плащ, под ним оказалась фиолетовая мантия первого ранга. Стражники тут же устали на управляющего, поняв, что тот их подставил - им сказали, что нужно проучить пару провинциальных хулиганов, а не молодых господ из семьи канцлера Цю!

Канцлер Цю был не просто так - он происходил из тысячелетнего рода Цю, имел огромные связи, сам занимал пост канцлера, был любимцем императора. Разве можно было связываться с его родственниками?

Управляющий успокаивающе подмигнул им и закричал:

- Даже если это канцлер Цю, мы не боимся! Стража исполняет закон, и даже канцлер не может вмешиваться! Разве канцлер выше закона?!

Цю Ланьхэ улыбался, но его взгляд был ледяным. Никто не осмеливался встретиться с ним глазами.

- Я и есть закон.

Все ахнули. Даже Цю Ибо и По Ицю были поражены - они сами хотели сказать это! Но, только что вернувшись, и зная, что их семья соблюдает законы, а Цю Ланьхэ и другие делают карьеру, они сдержались, чтобы не навлечь неприятности. И вот их дядя уже достиг таких высот!

Отлично, в следующий раз они тоже так скажут.

Вэнь Жун поспешил добавить:

- По законам нашей династии, три года назад канцлер Цю провел масштабную реформу законодательства. Так что формально он прав.

Цю Ибо и По Ицю переглянулись: понятно, чтобы так говорить, нужно сначала изменить законы. Сложно, утомительно... Дядя крут!

Цю Ланьхэ с отвращением посмотрел на пепел:

- Сколько вы еще тут собираетесь сидеть?

- Мы уже хотели уйти, - сказал Цю Ибо, - но решили дождаться управляющего.

- Почему?

По Ицю кивнул, и слуги привели восемь мальчиков - самым старшим было лет девять, младшим около четырех. Все они были милы и хороши собой. Вэнь Жун пояснил:

- Докладываю, господин. Молодые господа обнаружили в «Павильоне Весеннего Ветра» этих детей. Согласно учетным книгам, все они были похищены...

Не успел он договорить, как один из мальчиков, лет четырех, робко позвал:

- Отец...

Все обернулись. Мальчик, одетый лучше других, уставился на господина Мина и снова позвал:

- Отец...

Господин Мин нахмурился, а ребенок продолжил:

- Я... я одиннадцатый. Отец, я больше не буду убегать из двор... дома. Отец, спаси меня...

Господин Мин нахмурился еще сильнее:

- Кто тебя выпустил?

- Никто... - мальчик расплакался. - Я увидел дыру в стене и... и вылез...

Ого. Теперь было ясно, что господин Мин - важная персона. Покровителям «Павильона» не поздоровится. Даже если отец не сразу узнал сына, это все равно его кровь. И уж тем более не позволят, чтобы его похитили в южный павильон...

Цю Ибо и По Ицю не удивились, что господин Мин не узнал сына – в знатных семьях такое случалось. Если ребенок от наложницы, да еще и нелюбимой, его могли игнорировать. А судя по номеру «одинадцатый», детей было много, и ценились они невысоко.

Господин Мин потемнел лицом и тяжело вздохнул:

- Невелика беда.

- Отведите одинадцатого домой. – Затем он повернулся к Цю Ланьхэ: – Сегодня я должен поблагодарить вашу семью.

- Зачем церемонии? – Цю Ланьхэ встал. – Здесь слишком грязно. Прошу вас в усадьбу.

- Согласен.

Цю Ибо насторожился. «Вас»? Того, кого его влиятельный дядя почтительно называл «вы», мог быть либо выше рангом, либо намного старше. А этот человек явно моложе. Цю Ланьхэ выглядел моложе своих лет благодаря эликсирам из мира культиваторов, а его спутник, скорее всего, таких не принимал. По рангу же канцлер – первый ранг, и даже герцог не удостоился бы такого обращения. Стало быть, личность господина Мина была очевидна.

Цю Ибо и По Ицю переглянулись: вот это да, их дядя прямо перед императором заявил «Я и есть закон»! Видимо, он шел по пути могущественного временщика – нужно не только иметь власть, но и дружить с императором!

Теперь все было надежно.

Вдруг с верхнего этажа сбежал человек и бросился на колени перед Цю Ланьхэ:

- Канцлер Цю, постойте! Я – Чжао Синьцай, уроженец уезда Хуайнань, студент, приехал в столицу на экзамены, но меня схватили в этом павильоне, заставили подписать договор и сделали шлюхой! Если бы не мать и семья, я бы давно покончил с собой, чтобы сохранить честь! Умоляю, помогите!

Другой тоже упал на колени:

- Я – Сунь Цзяци, сын богача из уезда Чжао, три года назад меня похитили и заставили стать шлюхой! Умоляю о помощи!

- Я...

Цю Ланьхэ холодно сказал:

- Если у вас есть жалобы, обращайтесь в суд.

Слуги замерли, чувствуя, что чиновники покрывают друг друга. Но тут Вэнь Жун шепотом подсказал:

- Договоры сгорели, этому павильону конец. Если не уйдете сейчас, когда же еще? Вы что, книги зря читали?!

Кто-то хотел спросить, но студент заткнул его и заставил поклониться уходящим.

- Быстро собирайте вещи и уходите!

- Брат Сю... - кто-то хныкал. - Почему ты нас останавливаешь?

- Разве не слышали? Павильону конец. Если не уйдем, придется свидетельствовать в суде, что нас заставляли быть шлюхами! Уходим и делаем вид, что ничего не было!

В те времена и мужчины, и женщины дорожили репутацией. Хотя к мужчинам относились мягче, факт работы в публичном доме, даже под принуждением, мог испортить всю жизнь. Лучше было уехать подальше и начать заново.

Все наконец поняли.

- Пойдемте, я вас выведу. Мое звание студента еще кое-чего стоит...

Вернувшись в карету, Цю Ибо и По Ицю оказались в одном экипаже с Цю Ланьхэ и господином Мином. Тот осмотрел их:

- Отправились в путешествие и вернулись с еще большей смелостью.

Цю Ибо вздохнул:

- Видите ли, ваши племянники красивы, как Пань Ань. Некоторые не могут устоять.

Цю Ланьхэ на мгновение опешил, но затем рассмеялся:

- В этом есть правда.

Яблоко от яблони недалеко падает. Если даже их предки были неотразимы, то Цю Ибо и По Ицю превзошли их.

Господин Мин сказал:

- Сегодня вы случайно спасли моего сына. Что хотите в награду?

Он сделал паузу:

- Что угодно.

Цю Ибо загорелся глазами:

- Правда? Что угодно?

- Что угодно.

- Отлично! Дядя Мин, слово дворянина дороже золота. Обсудим в усадьбе!

- Молодые господа, молодые господа... - служанка, запыхавшись, вбежала во внутренний двор. Госпожа Цю спросила:

- В чем дело?

- Девятнадцатый и двадцатый молодые господа сказали, что останутся ночевать у канцлера Цю и не вернуться.

- И что? - госпожа Цю махнула рукой.

Служанка успокоила дыхание. Обычно, если молодые господа навещали канцлера Цю, госпожа и господин приходили в ярость и немедленно отправляли за ними. Почему сегодня все иначе?

Госпожа Цю спокойно пошла обратно. Цю Ланьхэ был своим, и запрет на общение с ним был лишь для вида – чтобы враги канцлера не тронули младших. Несколько лет назад второго сына чуть не убили. Они договорились делать вид, что семьи в ссоре.

А уж за юных господ она и вовсе не переживала. Разве кто-то сможет их убить? Наоборот, пусть попробуют – враги узнают, что такое сила!

Тем временем в усадьбе Цю Ланьхэ...

- Два круга!

- Восемь десятков!

- Беру! Три палочки!

Цю Ланьхэ и император переглянулись, глядя на азартно играющих в маджонг Цю Ибо и По Ицю.

«Что угодно» в качестве награды – и они заставили императора и канцлера играть с ними в маджонг?

Видимо, раз не удалось сходить в игорный дом, нужно было отыгаться здесь.

<http://bllate.org/book/14686/1310432>